

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**П. Марченя,
С. Разин**

«Смутоведение» как «гордиев узел»
россиеведения:
от империи к смуте, от смуты к..?

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Smutovedenie.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

**«СМУТОВЕДЕНИЕ» КАК «ГОРДИЕВ УЗЕЛ» РОССИЕВЕДЕНИЯ:
ОТ ИМПЕРИИ К СМУТЕ, ОТ СМУТЫ К...?**

Марченя Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России и Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Разин Сергей Юрьевич – старший преподаватель Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва); координатор проекта «Народ и власть в российской смуте» (журнал «Власть»).

Русская история – трагическая вещь. Не было времени, когда бы она катилась по гладким дорогам, не сворачивая в ухабы и трясины.

Г.П. Федотов («Судьба и грехи России»)

Россия не теряет своего особого лица от того, что история ее полна смут.

Н.А. Алексеев («Русский народ и государство»)

Как человек познается реально и полно не в состоянии покоя, а в ситуации кризиса, так и целые народы, государства и цивилизации наиболее полно познаются в тяжелые исторические времена хаоса, потерь и перемен. Россия и ценностно-смысловые доминанты ее исторической судьбы непостижимы вне осмысления феномена «русской смуты». «Смута» и сегодня остается мерой понимания России, краеугольным камнем выбора ее пути и своего места в ней. В ее прошлом, ее настоящем и ее будущем.

Известная китайская поговорка (легко трансформируемая в страшное для китайца проклятье) гласит: «Лучше родиться собакой во времена покоя, чем человеком в период хаоса». Великий русский поэт и мыслитель выразил пря-

мо противоположное по смыслу национальное видение эпох «Великих перемен» в истории человека и человечества: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!..» (92, с. 242). Причем именно «невероятная» (т.е. действительно с трудом объяснимая в рамках теории вероятности) повторяемость подобных «минут» российской истории по праву может считаться одной из ее отличительных особенностей. Как сформулировал другой отечественный пинт: «Русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку...» (цит. по: 91).

Настойчивые попытки извлечь и освоить исторические уроки кризисных времен «хаоса» и «смуты» как неслучайных, *роковых минут* – и в судьбе *современного мира* в целом, и в пути *Русского мира* в частности – в связи с перманентностью так называемых «*переходных периодов*» истории России остаются «непреходяще» актуальными для целого комплекса социогуманитарных наук, практически без промаха «злободневными» во всякий день для многих СМИ и неизменно востребованными со стороны самых разных политических сил внутри и вне российского общества.

Только в течение уже ушедшего, но еще «не изжитого» XX в. российское общество дважды срывалось в пучину общенародной смуты. И дважды Россия заплатила за это распадом исторически сложившейся имперской государственности – как романовской монархии, так и советской державы. Современные историки призывают к читателям: «Задумались ли вы когда-нибудь, откуда он, этот исторический "маятник", два страшных взмаха которого вдребезги разнесли сначала белую державу царей, а затем и ее красную наследницу?» (108). Даже в официальном печатном органе РФ вопрос уже поставлен следующим образом: «Почему российская история движется циклами – от великого расцвета к великой смуте, от государственного централизма к распаду империй? И когда рухнет страна – тогда ли, когда ослабевает державная узда или когда власть глуха к новым общественным запросам?» (22).

В таком контексте насущная необходимость осмысления и понимания периодически повторяющихся системных кризисов, по-прежнему представляющих реальную угрозу национальной (государственной и общественной) безопасности, выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса современной России. Тем не менее, как это признают сами представители такого класса, «Российская политическая и интеллектуальная элита до сих пор не желает прийти к соглашению относительно желательного будущего страны. Поэтому она продолжает бескомпромиссно спорить и о прошлом...» (5, с. 11).

Однако верно и обратное: пока среди элиты нет даже минимально необходимой для нормального, поступательного развития государства и общества историко-политической конвенции о былом, невозможно достичь искомого компромисса и по поводу грядущего. И это значит, что Россия по-прежнему,

как в китайском проклятии, «обречена» постоянно пребывать в «эпохе перемен» и разрываться противоречиями неосуществленного («недоосуществленного») выбора. Незавершенность и неразгаданность «русской смуты» выступает своеобразной осью «вечного маятника» русской истории, в которой сменяют друг друга паллиативы непродуманных реформ и непоследовательных «контрреформ», авральных строек и катастрофических «перестроек», оплаченных непомерной ценой революций и их отнюдь не дешевого «изживания». И без иронии воспринимаются весьма туманные прогнозы иностранцев наподобие биллингтоновского: «...среди возможных будущих путей самоидентификации России есть альтернативы намного лучше и намного хуже того, что можно предвидеть в настоящее время...» (11, с. 10–11).

Так или иначе, но вполне состоявшимся историографическим фактом современного россиеведения можно считать признание уже как минимум трех системных кризисов в российской истории; назовем их «Великими Русскими смутами».

В ходе *первой* Смуты – «классической», парадигмальной для России Нового времени (Смуты XVII в.) – сначала были сотрясены основания средневекового Московского царства, но затем оказались массово – «всесословно» и «всенародно» – отторгнуты и антидержавные прозападнические действия элит, отторгнуть вместе с самими элитами, вступившими на путь открытого сотрудничества с интервентами. В долгосрочном итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути.

В ходе *второй* Смуты – «модернистской», детерминировавшей основные параметры для России Новейшего времени (Смуты начала XX в.) – сначала посыпалась по «эффекту домино» романовская империя, но затем были ликвидированы (вместе с их носителями) все наносные либерально-демократические декорации. Временное правительство и вяло поддерживающие его «демократические» партии стали коллективным «Лжедмитрием» новой смуты – и в некотором смысле повторили его судьбу. Постфевральская «демократия», идеологически и психологически неадекватная массовому сознанию, была химерой и фикцией – и закономерно оказалась сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками. В конечном итоге возникла новая, еще более могущественная империя – Советский Союз.

В ходе *третьей* Смуты – «постмодернистской», определяющей основные контуры нынешней и, возможно, грядущей России (Смуты, начавшейся на исходе прошлого века) – дошла очередь и до не справившейся с вызовами современности советской империи, на руинах которой по сию пору ищет и никак не обрящет себя «Новая Россия». Об итогах этого процесса говорить преждевременно. Однако, как говаривал маркиз Галифакс, «лучший способ догадаться, что будет – припомнить, что уже было».

В таком ключе для понимания современной России особый интерес не только для ее историков, но и для любого серьезного исследователя-россиеведа представляет Смута начала XX в., ход и итоги которой обусловили ключевые параметры всей отечественной (и не только) истории Новейшего времени. Симптоматично, что первый выпуск «Трудов по россиеведению» образованного в 2008 г. Центра россиеведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (который, можно сказать задал некую генерализующую направленность всему современному отечественному академическому «россиеведению») – целиком и полностью посвящен одной единственной теме – проблеме русской революции, рассматриваемой как ключ к «понимающему познанию» России (см.: 90). Как уже давно и четко сформулировал крупнейший «смутовед» России, автор знаменитой «Красной смуты» (18; 19) В.П. Булдаков. «Понять “красную смуту” – значит понять будущее России. В конечном счете это значит понять, наконец, место России в будущем человечества» (18, с. 373).

Действительно, «Красная смута»¹, спрессовавшая в себя эпохальные события российской истории (обвал многовековой самодержавно-монархической системы взаимодействия власти и общества; попытки установления демократии европейского типа; крах этой попытки, выразившийся в анархии и охлократии, неудачном путче «справа» и установлении диктатуры «слева»; братоубийственная Гражданская война и восстановление империи уже в новом историческом качестве), является не просто символической «точкой отсчета» и уже пройденным и оставленным далеко и навсегда позади «историческим перекрестком» и «временем упущенных альтернатив».

В тот уникальный период история предоставила шанс всем актуальным политическим силам России реально проявить свои потенциальные возможности, попытаться на практике доказать адекватность исповедуемых теорий российской действительности, воплотить в жизнь доктринально провозглашенные «исторические альтернативы». Сразу несколько таких «альтернатив» получили возможность побороться за право власти в самой крупной из сухопутных империй мира – Российской империи. Такая власть – не столько над бескрайними просторами и их нескладными материальными ресурсами,

---

1. Несмотря на чрезвычайную популярность образов «Смуты» (и связанных с ней метафор и сюжетов) в период непосредственно до- и во время революции 1917 г. (а также еще спустя некоторое время после нее), из советской историографии «Великой Октябрьской социалистической революции» и Гражданской войны практически все производные от лексемы «Смута» словесные формулы оказались изгнаны. В современной историографии слово «Смута» и его различные варианты вновь становятся привычно употребляемыми в работах, посвященных тем событиям, которые ранее можно было именовать исключительно «революцией» и «гражданской войной». См., напр.: (48; 103; 38) (монографии); (101; 87; 83; 81; 25; 45) (статьи).

сколько – в первую очередь – над огромными массами народа (народов) империи, над жизнями – телами и душами, умами и сердцами ее подданных – не могла перейти из рук в руки легко и безболезненно, без борьбы и потрясений, путем простого соблюдения некой юридической процедуры по воображаемым политиками правилам.

Рубеж конца Нового времени вообще оказался роковым и даже фатальным в судьбе целого ряда империй, предельно обнажив проблему не только их удивительной исторической жизнеспособности, типической устойчивости во времени, но и их необыкновенной исторической «хрупкости» (см., напр.: 112), особой уязвимости в «смутные времена». Не смогла остаться в стороне и Россия. Фактическая капитуляция перед вызовами Новейшего времени самодержавия в течение многих столетий игравшего системообразующую роль в отечественной истории, поставила в повестку дня вопрос о самой возможности сохранения России в ее имперском формате.

«Смута» воцарилась не просто на геополитически великом по глобальным меркам пространстве, в одночасье утратившем привычные скрепы самодержавной государственности. Еще в большей степени «смута» установилась в мифологическом пространстве массового сознания и без того склонного к крайностям (без малейшей иронии) великого русского народа, мобилизованного «Великой русской революцией» в сферу «большой политики», где боролись за доверие и голоса народа политические силы, о которых те имели самое «смутное» представление.

Но среди множества сомнительных *мифов Смуты* есть и непреложный *факт истории*: на этом тендере партийных утопий неожиданную, но от этого не ставшую менее убедительной, победу вырвал большевизм, который почти никто из конкурентов поначалу не принимал всерьез. Однако именно партия большевиков пришла к двору Истории, из ее полумифического и полулегального аутсайдера стремительно превратившись в ее реального и единственного фаворита, изоморфного Смуте и адекватного своему времени и месту. Органично вписавшись не только в безумие, но и в логику русской Смуты, большевики «...оказались у "кассы истории". И взяли ее...» (67, с. 37).

И вот уже скоро будет век, как не прекращаются (то слегка затухая, то вновь резко разгораясь в связи со «злостью дня» или просто очередным юбилеем) жаркие споры об «исторической закономерности» либо «исторической случайности» исхода той Смуты и о месте и роли ее в отечественной и мировой истории.

Значимость непредвзятого – *Sine ira et studio* («Без гнева и страсти», как сформулировал наиболее трудную задачу и священный долг каждого добросовестного историка еще Публий Корнелий Тацит в самом начале своих знаменитых «Анналов») – осмысления этих событий, казалось бы, признается всеми – политиками и учеными, левыми и правыми, русофобами и русофи-

лами. Вот только всякие попытки «беспристрастного» разговора о революции, как правило, немедленно возбуждают страсти и раскалывают аудиторию на «революционеров» и «контрреволюционеров». Обсуждение Смуты нередко само выливается в интеллектуальную «смуту» (43), а диспуты о Гражданской войне перерастают в локальные «гражданские войны» историков (31) в залах ученых советов и научных конференций, на трибунах и «рингах» теле- и радиоэфира, страницах печати и бесчисленных сайтах Мировой Паутины.

На любом «круглом столе», посвященном смуте и революции в России (см., напр.: 44; 63; 80; 94; 14; 21)², сразу же обозначаются явно несовместимые с «кругло-застольным» спокойствием сообщества профессионально равнодушных к добру и злу летописцев болезненно жгучие «острые углы», по которым не удастся достигнуть ни согласия, ни компромисса даже работающим в одних и тех же архивах и заседающим в одних и тех же кабинетах историкам. Не говоря уже о публицистах и политиках, для которых оценочная интерпретация смуты остается важнейшим критерием современной партийно-политической дифференциации и интеллектуально-идеологической демаркации российского социума. Отношение к смуте продолжает служить не только банальной «разменной монетой» в политических играх, но и подлинной мерой отечественного междоусобного размежевания, актом реального выбора «боевого знамени» и принципиального определения «народа» и «врагов народа» («распределения целей») в расколотом российском обществе.

И это значит, что «смутное время» российской истории преждевременно объявлять законченным.

«В стране, где долго, долго брани / Ужасный гул не умолкал / <...> Где старый наш орел двуглавый / Еще шумит минувшей славой...» (71, 180) – эти пушкинские строки словно прямо относятся к обсуждению смысла «русской смуты» (как и смысла «имперскости» отечественной государственности), которое по сию пору так и остается «полем брани», интеллектуальной, а временами и политической. Перманентная ситуация «исторического выбора» России – на фоне глобальных вызовов-угроз современности – превратила академическое изучение «русской смуты» в исключительно значимую проблему цивилизационной идентичности и социокультурного самоопределения. Попытки подвести, наконец, «итоги смуты» и обрести «национальное согласие» («народное единство» или хотя бы «примирение») из ставшего уже традиционным для российского общества предмета пристального и пристрастного внимания ученых, политиков и публицистов переросли в жизненно важный для самого существования российского общества и всей российской цивилизации вопрос.

---

2. См. также о конференциях, посвященных Смуте: (54, 82–83, 96–97; 20).

Более того, исследование «русской смуты» вообще является необходимой смыслообразующей предпосылкой для ответа на самый главный вопрос россиеведения: «*Что такое Россия?*»

В свое время на аналогичный вопрос «Что такое Франция?», категорично сформулированный Фернаном Броделем (109; 12), другой известный французский историк, автор семитомного издания «Места памяти» Пьер Нора ответил: «Франция – это память» (113; 96). Согласно взглядам Нора и его сподвижников на значение «исторической памяти» в социальной жизни нации, такие явления как «История» и «Память» в известном смысле выступают не только не тождественными, но и прямо противоборствующими по отношению к оценкам фактов прошлого в общественном сознании. «Память» освящает, сакрализует минувшее, превращает его в «исторический памятник» (придает ему застывшую, «окаменевшую» форму некоего монумента). «История» же сплошь и рядом стремится демонтировать, сознательно разрушить этот стихийно сложившийся монумент, она десакрализует события, лишает «памятники» их священной неприкосновенности. Но где-то на стыке Истории и Памяти каждая нация имеет (создает и непрерывно воссоздает) собственные так называемые «места памяти». Последние выступают как особые знаки «в чистом виде», двойственные по своей природе. С одной стороны, «места памяти» герметичны, самодостаточны, закрыты в себе самих (в своем прошлом), но с другой – они порождают новые (актуальные для настоящего и устремленные в будущее) значения и смыслы, активно выходящие за пределы исторической памяти и способные расширять ее относительно тех событий, которым эти «места памяти» были посвящены изначально.

В этом смысле, «смуты» для России оказываются такими общесоциальными «местами памяти», от которых зависит слишком многое. «Смутоведение» можно считать смыслообразующим компонентом россиеведения, «гордиевым узлом», в который сплетены все его ключевые темы и проблемы. Как давно уже сформулировал современный политический философ В.В. Аверьянов: «Поэтому и три наших версии "смуты" неоднородны по своей структуре, вариативны по формам, определяемым духом времени, конкретикой исторических обстоятельств и узлами традиции. Собственно, узлы традиции (подчас гордиевы) – развязываемые, разрушаемые, по-новому завязываемые – и есть ключевая метафора нашей модели» (2, с. 96–97).

Одной из недавних резонансных попыток комплексного обсуждения узловых проблем «смутоведения» стал специально посвященный анализу периодически повторяющихся системных кризисов России Международный круглый стол журнала «Власть», состоявшийся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН. Ведущим «стола» выступил уже упомянутый Булдаков, на протяжении многих лет подготавливавший отечественную социально-научную «почву» для подобного мероприятия, подчеркивая, что кризисы яв-

ляются «естественной формой пространственно-временного существования России, однако попыток их конкретно-исторического сопоставления еще не предпринималось. Между тем сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория» (13, 95).

В работе «стола», получившего знаковое наименование «*Народ и Власть в российской смуте*», приняли участие более 30 ученых, представляющих научные организации и вузы России и Беларуси (21). На наш взгляд, прозвучавшие в ходе дискуссий «круглого стола» мнения современных ученых о причинах воспроизводства «смутных времен», особенностях и механизмах кризисного ритма отечественной истории и путях выхода из исторической западни системных кризисов (14) могли бы помочь власти и обществу постсоветской России избежать уже знакомых крайностей и преемственно объединить лучшее, что было в России досоветской и советской. И остаться при этом Россией.

Авторы настоящей статьи предлагают и свой вариант осмысления названных проблем. По нашему мнению, разгадка «русской смуты» и ее функциональной роли в русской истории возможна только в конкретно-историческом и историософском синтезе, в контексте циклической динамики функционирования и воспроизводства *Империи*, имеющей свои запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

В таком ключе «смутоведение» и «импероведение» – суть две стороны одной «россиеведческой медали». Не поняв места и роли Империи в истории России, не понять и смысла «русской смуты». А значит, и не найти выхода из промежуточного положения «между “Империей” и “Смутой”» (37), застряв в смертельно опасной «эпохе безвременья» (41).

Идея связи империи и Смуты уже получила прочное обоснование в уверенно развивающейся теории российских кризисов. Так, во множестве работ того же Булдакова (111; 110; 16; 17 и др.) последовательно отстаивается важнейшая в контексте нашей статьи мысль о наличии глубокой связи зарождения, протекания и преодоления смут, революций и прочих «кризисов в России» (15) с типическими особенностями России как Империи. Согласно его методологически значимой формуле кризисов в отечественной истории, «понимание своеобразия российской революции, особенностей ее развертывания и долговременных последствий упирается в переосмысление феномена российского имперства – уникальной сложноорганизованной этносоциальной и

территориально-хозяйственной системы реликтового патерналистского («большая семья») типа» (18; с. 341)³.

Концепт «империя» вообще относится к числу наиболее значимых (как по частоте употребления, так и по насыщенности научно-теоретического и идеологически-оценочного звучания) в бесчисленных попытках «вписать» историю России в контекст прошлого, настоящего и будущего человечества. Однако XX век оказался не просто гибельным для многих «имперских тел» мировой истории, но и породил глубочайший мировой кризис имперского сознания, самой *Идеи Империи*. Он спровоцировал разделявшую Новое и Новейшее время и продолжающуюся донныне глобальную переоценку имперских ценностей и ценностей собственно империи как особого исторического феномена.

Тем не менее акцентирование имперско-державной тематики в осмыслении особенностей России не утратило актуальности с наступлением нового десятилетия. Напротив, уже первое его десятилетие ознаменовалось выходом значимого массива монографий и специально посвященных «российско-имперской» теме сборников, причем как отечественных⁴, так и зарубежных⁵ авторов.

В зависимости от «негативности» либо «позитивности» трактовки термина «Империя»⁶ в современном импероведении явно обнаруживаются два противостоящих друг другу лагеря.

С одной стороны, распространен взгляд на империю как «момент негативного универсализма», в котором мир объединяется не как форма или идея, а как инерционная «воронка» разложения границ и «круговой обороны» захваченных территорий и ресурсов (49). Зачастую империя рассматривается как «неполноценное национальное государство, которое либо станет национальным, если основная нация ассимилирует или вытеснит все остальные, либо распадется на части по этническому признаку» (51, с. 272); нередок и взгляд на империю как на метафору «несправедливого мира» и «смутного времени», когда господствуют «нелегитимное насилие», «вооруженная глобализация» и «глобальный апартеид» (64, с. 112; 47, с. 81). Многие авторы

---

3. Сам Булдаков, ссылаясь на исследование Н.В. Щербань, подмечает также, что из сходных представлений исходил и В.О. Ключевский при анализе течения Смуты XVII в. (18, 355; 104, 95–97, 101).

4. См., напр., монографии и тематические сборники только последнего десятилетия (в обратном хронологическом порядке): 86; 7; 30; 69; 89; 35; 56; 59; 10; 42; 70; 82; 88; 9; 24; 27; 77; 4; 28; 29; 50; 23; 60; 75; 76; 62; 31; 65; 100; 3; 6; 40.

5. См., напр.: 39; 46; 98; 74; 97; 58; 36; 99.

6. О различных коннотациях слова «империя» в имперской России, СССР и США см., напр.: (26). Об англо-американской традиции оценки имперскости России см. также: (9). Но и внутри самой России также издавна сосуществовали и сосуществуют ныне различные смыслы концепта «Империя», что отмечают и западные исследователи. – См., напр.: 93, 56–57; 8; 84.

используют концепт «империя» как принципиальный антипод «социального» и «правового» государства, а то и вообще любого стабильного и благоустроенного общества. Так, например, В.К. Кантор риторически вопрошает: «Сегодня опять путь в цивилизации связывают с государственностью. Но не с правовым государством, а с восстановлением империи. Что ставить во главу угла? Империю? То есть силу, подавляющую всякую самостоятельность внутри и вовне. Или нормальное существование каждого отдельного российского человека – жизнь сытую, обеспеченную, благоустроенную, лишенную перманентных катаклизмов..? Иными словами, быть сверхдержавой или страной, развивающей культуру и цивилизацию, основанную на правах личности?» (33, с. 134)⁷.

С другой стороны, именно к имперской идеологии как главному инструменту мобилизации масс и основе государственного и национального возрождения обращаются те ученые и политики, которые видят в «имперской идее» актуальный тренд общественного сознания, концептуальное обоснование политики «Новой России», перспективный вектор ее социально-политического развития и геополитической трансформации (66).

В таком контексте имперская идея может быть осмыслена как некая «суперидеология», способная привести в согласие интересы всех основных национальных, профессиональных, корпоративных и иных социальных групп, восстановить «свойственную России вертикально-интегрированную форму правления и персонифицированного общенационального лидерства» и тем самым осуществить «реставрацию будущего» (102). В так называемом «имперском мифе» усматривают реально и конструктивно работающую систему норм, идей и представлений, которая на протяжении столетий являлась и является ценностно-смысловым фундаментом российской государственности и идеократической основой самобытной российской цивилизации (73, с. 107). В понимаемой таким образом «имперскости» усматривают метафизическую сверхзадачу по реализации божественного замысла о человеке и мире, установления торжества трансцендентного должного (23, с. 44–46)⁸.

Имперскость России рассматривают также как реальную альтернативу современной глобализации, предполагающую не единственный путь «американского глобализма», а формирование «многополярного» мира, в котором человечество предстает как «трепещущий букет» различных, дополняющих

---

7. Симптоматично, что этот же автор вскоре изменяет такую трактовку концепта «империя», начиная рассматривать имперское начало позитивно, как силу, противостоящую хаосу (35). При этом «имперскую идею» Кантор интерпретировал как «европейскую», а саму империю – как путь России навстречу Западу (34).

8. О метафизических основаниях имперской идеи и диалектике должного и сущего в судьбе империи и имперском сознании см. также, напр.: (85; 107; 54).

друг друга культур / цивилизаций / империй. При этом имперская политическая форма определяется не только как получающая «новый шанс» форма «естественной государственности» (79), но и как наиболее адекватная для расцвета культуры и цивилизации; в связи с этим признается необходимость существования Российской империи как одного из вариантов общемировой цивилизационной и культурной эволюции (68).

Квинтэссенцией взглядов на Империю как «судьбу России» (78), как «неизбежность» (61), как исполнение Россией непреложного долга перед человечеством и перед самой собой (55) (а также как единственный способ преодоления прошлой и современной «русской смуты») можно считать риторическое восклицание В. Аверьянова: **«Так не лучше ли добровольно поднять бремя империи, а не продолжать растворять свою цивилизацию в кислоте вялотекущей Смуты? (Чтобы потом когда-нибудь, как щенки, сунутые носом в собственное дерьмо, возвращаться в империю под давлением уже непреодолимых обстоятельств)»** (1)...

Даже такой, предельно краткий и поверхностный экскурс в современное состояние непримиримых споров о понятии «империя» применительно к цивилизационной специфике России вынуждает согласиться с высказыванием живого классика *«Imperial Studies»* британского историка Д. Ливена: «ИМПЕРИЯ – ЭТО СИЛЬНОЕ И ОПАСНОЕ СЛОВО. Оно имеет богатую и неоднозначную историю. Сегодня, как и в прошлом, оно носит весьма различные полемические оттенки» (46, 635).

Но как бы ни было «опасно» употребление слова «империя», невозможно не согласиться и с другим авторитетным западным специалистом А. Каппелером, справедливо подчеркивающим, что Россия, «с ее невероятным этническим разнообразием, охватывающим Европу и Азию, четыре мировых религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов», есть не что иное, как «империя». Следовательно «взгляд на историю России как на историю национального государства ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению...» (36, с. 8–9).

Выражая солидарность с мнением, что империи не являются «дурным прошлым» человечества, не исключением, а «правилом всемирной истории» (17, с. 7), и учитывая, что все попытки «понять имперскую Россию»⁹ крайне осложняются болезненно острой неоднозначностью самого понятия «импе-

---

9. «Понять имперскую Россию» – так сформулировал задачу известный русско-западный (немецко-французско-американский) историк Марк Раев в заголовке своей книги *«Understanding the imperial Russia»*, неточно переведенном на русский язык (см.: 72).

рии» и чрезвычайно широким диапазоном его употребления¹⁰, сделаем несколько уточнений, что же все-таки понимается под *Империей* нами.

Империя – это государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как *миссию*, находящуюся превыше локальных («всего лишь государственных») интересов. Или, как сформулировал определение империи (ставшее одним из наиболее часто цитируемых в самых разных патриотических текстах) современный православный публицист М. Юрьев: «На самом деле империя – это любое государство, у которого есть какой-то смысл существования, помимо самоподдержания. Россия без такого смысла существовать не может» (105; 106).

Представляется, что в основе исторического существования любой Империи лежит идея служения *Императиву*, объединяющему населяющие ее народы во имя реализации Добра и противостояния Злу. В рамках такого понимания *Империи*, она, пожалуй, единственный реально возможный в истории государственный синтез онтологических и аксиологических представлений человека: *Империя* – это государственная форма осмысленного бытия человека и общества. Это наднациональная суперэтническая форма объединения народов в единое социокультурное пространство («*центр мира*»), в котором их бытие вписано во вселенский, провиденциально-эсхатологический контекст. Это форма опосредованной власти *Императива*, являющегося общезначимым нравственным предписанием для имперообразующей нации и включаемых в нее народов, определяющего смысл и цель индивидуального и сверхличностного существования человека и человечества в истории.

Всякое государственное образование, претендующее на роль Империи, исходит из монополии на подлинную *Идею*, предлагаемую массам в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе истории. Наличие *Идеи*, способной объединять и вести массы, является нормой существования империи. Именно *Идея* дает и государству, и человеку ощущение причастности к Истории, радость и утешение от осознанного Служения чему-то значительно более великому, чем всего лишь частные интересы. *Империя* – это не просто «большая семья», это семья, которая знает (или полагает, что знает) смысл жизни и дарит причастность к нему всем своим членам. Каждый отдельный народ (как и отдельный человек), идентифицирующий себя с Империей, получает возможность обрести ценностную полноту социального бытия в служении Великой Целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени (тем более, вне всяких *смутных времен*), приобщиться к Вечности.

---

10. Краткий перечень длинного набора теоретических трудностей определения термина «Империя» в изложении, одного из американских политологов см.: 57, с. 7–11.

В этом смысле *Империя* есть утопия. Но это работающая, и как показывает история, эффективно работающая утопия. В таком контексте имперская идея является демиургом российской истории, а причастность к ней определяет степень эфемерности или жизнеспособности различных политических сил в борьбе за власть и будущее России (52).

Однако в самом существе империи заложен изначальный антагонизм между утопическим стремлением к воплощению идеальных ценностей и невозможностью их совершенной реализации на практике, в ценностях конкретно-исторических. В этом взрывоопасном взаимопроникновении *утопии* и реальной *истории* кроются и причины устойчивости империй, и причины циклически повторяющихся имперских кризисов – смут.

Жизнь империи, ее исторические циклы могут быть рассмотрены как поверхностное проявление скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще общественного сознания. Хранителем и выразителем базового минимума имперских ценностей является народ, который, с одной стороны, является строителем империи, с другой – сам становится ее фундаментом. В рамках такой модели понимания *Имперскости*, народные массы обеспечивают статику функционирования империи, а элиты – динамику. Если действия элит явно вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа, ставят под угрозу историческое бытие *Империи* – наступает *Смутное время*.

Тогда на сцену истории вынужденно вступают народные массы, в «нормальное» историческое время относящиеся к политике индифферентно. Движущей ими силой выступает негативизм, являющийся показателем иммунного статуса имперского организма. Особая роль в этом механизме принадлежит массовому сознанию, активизирующемуся в кризисной ситуации. Оно становится полем борьбы за *империю*, в нем и коренятся ее *дух и кровь*. Если смысловым стержнем Империи признать именно ее идеократический компонент, то борьба за власть в Империи есть, прежде всего, битва за *идею* (также как борьба *Империй* есть борьба *Идей*). Не учитывать этого не вправе власть, претендующая на историческое будущее в России. Собственно, пара «*Смута – империя*» и образует диалектическое единство основного конфликта русской истории, определяя своеобразие пресловутой «русской системы» и ее цикличность.

Давно известно, что в России только две «большие беды»: дураки и дороги. Но есть еще и мнение, что страшнее дураков и дорог – дураки, указывающие дорогу. По поводу последних В.П. Булдаков в свойственной ему язвительно-ироничной манере пишет об особой опасности для исторического осмысления смуты «„искренних“ патриотов». По его беспощадной формулировке, именно «это беспроигрышное в России амплуа особенно легко осваивает закомплексованный природный дурак» (19, с. 687). По нашему мнению, не стоит всех, кто верит в историческое предназначение России, записывать в

этот действительно многочисленный лагерь. Выбор России не сводится к двум изведенным ею крайностям: либо уже не раз демонстрировавший свою несостоятельность в российских условиях бессильный бес либерализма, либо куда более эффективный грозный дьявол верховного беспредела. Подмечено, что без «концепции, которая органично сочетала бы в себе элементы либерализма и приверженность самоценной российской государственности» современная российская власть «не сможет возглавить политическое преодоление "смуты"». И тогда новый узел русского традиционализма завяжет другая – нелиберальная – власть, причем на пути к этому Россия может испытать еще весьма ощутимые утраты» (2, с. 103).

Представляется, что именно осмысление «русских смут» учеными и реальный учет результатов этого осмысления политиками в совокупности могли бы помочь постсоветской России избежать уже знакомых крайностей и преемственно объединить лучшее, что было в досоветской и советской России. И остаться Россией.

Литература

1. Аверьянов В. Рассыпавшаяся матрешка: национализм льва и национализм шакала <<http://www.pravaya.ru/look/11104>>.
2. Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 95–103.
3. Авторханов А.А. Империя Кремля. – М., 2002. – 476 с.
4. Азиатская Россия: люди и структуры империи. – Омск, 2005. – 599 с.
5. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М., 2005. – 708 с.
6. Бажанов Е.А. Россия и империя: откровения и тайны национальной политики в Российской империи. – Самара, 2002. – 178 с.
7. Белязин В.Н. Крушение великой империи. Падение монархии, последний император Николай II. – М., 2009. – 254 с.
8. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004. – С. 67–80.
9. Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо-американских справочно-энциклопедических изданий XX в. – Красноярск, 2006. – 200 с.
10. Белковский С.А. Империя Владимира Путина. – М., 2007. – 269 с.
11. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя. – М., 2006. – 224 с.
12. Бродель Ф. Что такое Франция? – М., 1994. – 406 с.
13. Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. – 2005. – Т. 22. – С. 95–119.
14. Булдаков В., Марченя П., Разин С. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // Власть. – 2010. – № 4, 5, 6, 7, 8, 9.
15. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. – М., 2007. – 204 с.
16. Булдаков В.П. XX век в российской истории: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. – Вып. 1. – М., 1994. – С. 122–131.
17. Булдаков В.П. Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. – 2007. – № 3. – С. 5–27.

18. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – 375 с.
19. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – 2 изд., доп. – М., 2010. – 967 с.
20. Булдаков В.П., Емельянов-Лукьянчиков М.А., Разин С.Ю., Соколова Ф.Х. 1917 год в свете научных конференций // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 212–215.
21. Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. – 2010. – № 3.
22. Выжувтович В., Проханов А., Рыжков В. От анархии – к жесткой власти // Российская газета. – 2007. – 28 февраля. – Федер. вып. № 4304.
23. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М., 2004. – 349 с.
24. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006. – 439 с.
25. Дзасаров С.С. Русская революция: национальная смута или мировой триумф // Альтернативы. – 2007. – № 3. – С. 45–64.
26. Ильин М.В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. – 1994. – № 2. – С. 117–130.
27. Империя и религия. – СПб., 2006. – 280 с.
28. Империя Россия. – М.; Ростов н/Д., 2005. – 512 с.
29. Имперские предчувствия России. – М., Волгоград, 2005. – 432 с.
30. Имперский вопрос – национальный ответ. – М., 2009. – 308 с.
31. Кагарлицкий Б. Гражданская война в конференц-зале, или Революция, которая не закончилась (<http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0355.html>).
32. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. – М., 2003. – 521 с.
33. Кантор В.К. «...Есть европейская держава»: Россия: трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. – М., 1997. – 478 с.
34. Кантор В. Империя как путь России к европеизации // Вопросы литературы. – 2007. – № 4. – С. 112–156.
35. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М., 2008. – 541 с.
36. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – 342 с.
37. Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой». – М., 1996. – 173 с.
38. Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. – М., 2008. – 431 с.
39. Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М., 2007. – 367 с.
40. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская спецификация. – М., 2001. – 253 с.
41. Кондаков И.В. «Смута»: эпоха «безвременья» в истории России // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 55–67.
42. Кравченко С.И. Кривая империя. Правдивый курс истории государства Российского. – М., 2007. – 637 с.
43. «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 139–168.
44. «Красная смута» на «круглом столе» («Горбачевские чтения»): «90 лет Октябрьской революции. К итогам современной дискуссии», Москва, 22 ноября 2007 г., Горбачев-фонд (http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=662&page=1).

46. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX века // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. – 2007. – № 5 (55) / 3. – С. 175–186.
47. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М., 2007. – 678 с.
48. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. – 2005. – № 1. – С. 75–117.
49. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – 144 с.
50. Магун А.В. Имперализация (Понятие империи и современный мир) // Полис. – 2007. – № 2. – С. 63–80.
51. Малер А.М. Духовная миссия Третьего Рима. – М., 2005. – 383 с.
52. Мамоут М. Империя: прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. – 2006. – № 3. – С. 272.
53. Марченя П. Империя, партии и массы в русской смуте // Власть. 2010. – № 3. – С. 105–110.
54. Марченя П.П. Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. – 2006. – № 1. – С. 138–144.
55. Марченя П.П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. – 2008. – № 4. – С. 82–99.
56. Маслов О. Власть Империи в России (Россия и Империя в высказываниях современников) // Ежедневное независимое аналитическое обозрение. – 2009. – 18 сентября (<http://www.polit.nnov.ru/2009/09/18/ImperiaRus/>).
57. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – М., 2008. – 241 с.
58. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств [=Imperial ends: the decay, collapse and revival of empires]. – М., 2004. – 242 с.
59. Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза. – М., 2003. – 579 с.
60. Наследие империй и будущее России. – М., 2008. – 528 с.
61. Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – 351 с.
62. Неизбежность империи: Сборник статей по проблемам российской государственности. – М., 1996.
63. Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004.
64. Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. – М., 2007. – 254 с.
65. Паин Э. Рецензия на: Майкл Харлт, Антонио Негри. Множество: Война и демократия в эпоху Империи. – М.: Культурная революция, 2006 // Pro et contra. – 2006. – № 4. – С. 108–115.
66. Паин Э. Между империей и нашей. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2003. – 164 с.
67. Панкова Л., Леонова О. «Имперская идея» как актуальный концепт политической культуры // Обозреватель – Observer. – 2007. – № 3 (206). – С. 92–100.
68. Пивоваров Ю.С. О русских революциях: Послесловие // Труды по русистике. – М., 2009. – Вып. 1. – С. 21–67.
69. Пигров К.С. Империя как инновация, или Императив империй // Вестник С.-Петербурга. Сер. 6. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 3–12.
70. Пихоя Р.Г. СССР. История великой империи. Под знаком Сталина. – М.; СПб., 2009. – 254 с.
71. После империи. – М., 2007. – 224 с.

72. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – Т. 3. – М., 1960.
73. Раев М. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи [=Raeff Marc. Understanding the imperial Russia]. – London, 1990. – 304 с.
74. Разин С. Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // Власть. – 2009. – № 2. – С. 106–110.
75. Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология. – М., 2005. – 694 с.
76. Российская империя в сравнительной перспективе. – М., 2004. – 383 с.
77. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж, 2004. – 471 с.
78. Россия державная. – М.; Волгоград, 2006. – 392 с.
79. Савельев А. Империя – судьба России (<http://savelev.ru/article/show?id=9&t=1>).
80. Секацкий А.К. Шанс для империи и современный социогенез // Вестник С.-Петерб. университета. Сер. 6. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 22–33.
91. Секиринский С.С. Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 3–30.
92. Симонова Е.В. «Смута» в провинции: особенности революционной активности политических лидеров и масс в 1917 году // Задавая вопросы прошлому... – М., 2006. – С. 240–249.
93. Смолин М.Б. Русский путь в будущее. – М., 2007. – 352 с.
94. Соловей В. Россия накануне Смуты // Свободная мысль. – XXI. – 2004. – № 12. – С. 38–48.
95. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. – Казань. – 2001. – № 1/2. – С. 9–72.
96. Сунягин Г.Ф. Как исчезают империи // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2007. Вып. 2. – Ч. 1. – С. 13–21.
97. Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания: империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России. – М., 2010. – 432 с.
98. Телицын В.Л. Красная смута (незамутненный взгляд на ход и исход русских революций 1917 года) // Мнемозина. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 209–212.
99. Ткачев С.В. Империя как современная полития. – Владивосток, 2007. – 212 с.
100. Торбеев Г.И., Свечников П.Г. Крушение Российской империи: полемические заметки. – Челябинск, 2009. – 363 с.
101. Труды по руссиеведению: Сборник научных трудов. – М., 2009. – Вып. 1. – 426 с.
102. Тульская М., Вознесенский А. Политехнический Вознесенский // РГ. – 2004. – 12 мая. – Федер. вып. № 3473.
103. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем. – М., 2002. – Т. 1. – 528 с.
104. Уортман Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования. – М., 2002. – Т. 1. – 607 с.
105. Февральская революция: история и современность. – М., 2007. – 141 с.
106. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1. – 351 с.
107. Франция – память. – СПб., 1999. – 327 с.
108. Хардт М., Негри А. Империя. – М., 2004. – 434 с. – 514 с.
109. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху Империи. – М., 2006. – 514 с.
110. Хоскинс Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск, 2000. – 512 с.
111. Человек между Царством и Империей. – М., 2003. – 527 с.
112. Чураков Д. Красная смута в интерьере исторических альтернатив: взгляд из сегодня // Альтернативы. – 1998. – № 3. – С. 106–121.

113. Шатиоров С., Павленко В. Имперская государственность: история и современность // Обозреватель-Observer. – 2006. – № 2. – С. 6–17.
114. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006. – 592 с.
115. Щербань Н.В. В.О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 95–103.
116. Юрьев М. Внутренний враг и национальная идея // Комсомольская правда. – 2004. – 7 ноября.
117. Юрьев М. Третья Империя. Россия, которая должна быть. – М.; СПб., 2007. – 637 с.
118. Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего // Рубежи. – 1997. – № 5. – С. 29–41.
119. Янов А. Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» // Досье электронного Полиса (<http://www.politstudies.ru/universum/dossier/03/yanov-4.htm>).
120. Braudel F. L'Identite La France. Espage et histoire. – Paris, 1986. – 476 p.
121. Buldakov V. Die Oktoberrevolution in der russischen und Osteuropäischen Geschichte // Berliner Jahrbucher für Osteuropäischen Geschichte. – 1994. – Bd. 1. – S. 53–58.
122. Buldakov V. Revolution or crisis of Empire? // Bulletin of the Aberdeen Centre for Soviet and East European Studies. – 1993. – № 4. – P. 9–10.
123. Chubarov A. The fragile empire: a history of Imperial Russia. – N.Y., 1999. – 244 p.
124. Les Lieux de mémoire. – Paris, 1984. – Vol. 1. – 674 p.